85. Иванъ Царевичь и молода(я) молодица.

(Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 42, стр. 215).

1. Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ жилъ-былъ царь. У ево былъ одинъ сынъ Иванъ-царевичь.

Вотъ Иванъ-царевичь ѣздилъ за охотой кажной день въ чисто поле, въ широко раздолье, по край синя моря; онъ ловилъ гусей, лебедей и сѣрыхъ утицъ. И попала ему въ ло(в)ушку лебедка. Поймалъ эту лебедку Иванъ-царевичь, принесъ въ шатеръ и посадилъ въ *шосточик*. По утру сталъ да и уѣхалъ за охотой.

Вотъ, лебедка-та вышла изъ шосточка, оввернулась молодой молодицей и наготовила Ивану-царевичу всяко кушанье. Сама опеть оввернулась лебедкой и сѣла въ *шостокъ*.

Вотъ Иванъ-царевичь пріѣхалъ домой въ свой-отъ шатеръ: и на столѣ накрыто у ево. Вотъ онъ и удивлятца. „Хто это,—говоритъ:—былъ у миня?“—Сѣлъ Иванъ-царевичь и отобѣдалъ; да такъ все на столѣ закрылъ скатеркой и опеть уѣхалъ за охотой. Лебедка опеть оввернулась молодой молодицей, убрала со стола, оввернулась опеть лебедкой и сѣла въ шостокъ.

2. На другой день Иванъ-царевичь опеть уѣхалъ за охотой; а лебедка вышла безъ ево изъ шосточка, оввернулась молодой молодицей и наготовила кушанья ишшо тово лутче. Накрыла молода молодица на столъ, оввернулась лебедкой и сѣла въ шостокъ--ждетъ Ивана-царевича.

Вотъ пріѣхалъ Иванъ-царевичь, навезъ гусей, лебедей и сѣрыхъ утицъ. Погледѣлъ Иванъ-царевичь на столъ и удивлятца: „Да хто-же такой наготовилъ?—Выходи,— говоритъ:--хто такой есь у миня--красна дѣвица или молода молодица?“—Нехто не говоритъ съ имъ, нехто и голосу не подалъ.

Отобѣдалъ Иванъ-царевичь, закрылъ столъ скатеркой и уѣхалъ опеть въ чисто поле, въ широко раздолье, по край синя моря, за охотой.

3. Вотъ на третей день снарядился Иванъ-царевичь за охотой, вышелъ изъ шатра да и спрятался: „Покараулю,—говоритъ:—я, хто такой ко мнѣ приходитъ? съ которой стороны?“

Вотъ бѣла лебедка вышла изъ шосточка, оввернулась молодой молодицей и *почала* готовить кушанье. Иванъ-царевичь восплохъ и отворилъ двери; испужалась молода молодица, побѣжала было, да Иванъ-царевичь схватилъ іе въ береме.

Вотъ она у ево въ рукахъ-то вилась да вилась, да въ золото веретешечко извилась. Онъ взялъ да веретешечко-то переломилъ—пятку-ту передъ сибя, а кончик'отъ за сибя изладилъ: „Будь,—говоритъ:—передо мной молода молодица, а за мной цвѣтно платье!“—Вотъ и стала передъ имъ молода молодица, а за имъ цвѣтно платье. Ужъ такая красавица была—зрѣлъ бы, смотрѣлъ—очей не сводилъ!

4. Иванъ-царевичь къ отцу не поѣхалъ и сталъ жить съ молодой молодицей. Состроили онѣ въ томъ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, домъ.

Вотъ и стала *череваста* молода молодица.—А къ имъ ходила баушка-задворенка. — „Иванъ-царевичь! — говоритъ баушка-задворенка Ивану-царевичу:—теперь весна на дворѣ, ты карауль свою молоду молодицу, не уѣзжай далеко-то некуды!“

Вотъ и родила молода молодица малинькова. Сидитъ въ банѣ съ баушкой-задворенкой. По утру лититъ станица лебедей; вотъ одинъ и кличотъ:

„Ти-го-го, мила дочь,
Ти-го-го, родимая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Политимъ съ нами за море,
Политимъ съ нами за сине!“

—Это отецъ іе литѣлъ. А она ему въ отвѣтъ:

„Ти-го-го, батюшко!
Ти-го-го, родимой мой!
Не подай мнѣ-ка крылышко,
Не подай мнѣ правильное—
Не лечу съ тобой за море,
Не лечу съ тобой за сине—
Ишо есь у миня дитишшо,
Ишо есь у миня милое!“

Вотъ эта станица пролитѣла. Лититъ другая, и опеть кличотъ одинъ лебедь молоду молодицу:

„Ти-го-го, мила дочь,
Ти-го-го, родимая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Политимъ съ нами за море,
Политимъ съ нами за сине!“

Это мать іе литѣла. Молода молодица ей и отвѣчатъ:

„Ти-го-го, матушка,
Ти-го-го, родимая!
Не подай мнѣ-ка крылышко,
Не подай мнѣ правильное,—
Не личу съ тобой за море,
Не личу съ тобой за сине—
Ишо есь у миня дитишшо,
Ишо есь у миня милое!“

Вотъ и эта станица пролитѣла. Лититъ третья; опеть кличотъ одинъ лебедь:

„Ти-го-го, сястрица,
Ишо ти-го-го, милая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Политимъ съ нами за море.
Политимъ съ нами за сине!“

Это братъ іе литѣлъ; она ему и отвѣчатъ:

„Ти-го-го, братилко,
Ти-го-го, милой мой!
Не подай мнѣ-ка крылышко,
Не подай мнѣ правильное,—
Не личу съ тобой за море,
Не личу съ тобой за сине,—
Ишо есь у миня дитишшо,
Ишо есь у миня милое!“

И эта станица пролитѣла. Лититъ четверта. Опеть одинъ лебедь кличотъ:

„Ти-го-го, ладушка,
Ти-го-го милая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Политимъ съ нами за море,
Политимъ съ нами за сине!“

Она и отвичатъ:

„Ти-го-го, ладушко,
Ти-го-го, милой мой!
Ты подай мнѣ-ка крылышко,
Ты подай мнѣ правильное—
Поличу съ тобой за море,
Поличу съ тобой за сине!“

Она было вспорхнула; а Иванъ-царевичь и поймалъ іе.

Пролитѣла и эта станица. Вотъ и говоритъ молода молодица Ивану-царевичу: „Кабы ты не схватилъ миня,—улитѣла бы я въ свое царство, въ свое государство! а теперь,—говоритъ:—мнѣ не съ кѣмъ литѣть: пролитѣлъ и милой мой *лада*“.

И стали онѣ жить да быть, да добра наживать. И теперя живутъ.

---

86. Иванъ дуракъ и Яга-баба.

Записано въ Усольѣ А. Вологдинымъ.—Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г. № 43, стр. 218—219.

1. Жилъ-былъ старикъ да старуха. У ихъ былъ сынъ Иванъ-дуракъ. Вотъ Иванъ-дуракъ сталъ отпрашиваться отъ отца да отъ матери рыбу удить: „Гдѣ,—говоритъ:—рыбка клюнетъ, тутъ и стану удить!“—Старикъ да старуха подумали, подумали да отпустили Ивана-дурака.

Вотъ онъ шолъ да шолъ, дошолъ до избушки: стоитъ избушка, на куричьей голяшкѣ повертыватца. — „Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!“—Избушка стала.

Вотъ Иванъ-дуракъ зашолъ въ избушку, а въ ей середе полу лежитъ Яга-баба:—„Фу-фу-фу! рюска коска сама на дворъ зашла!“—Взела да и заперла ево въ *голбецъ*: „Я тибя завтре велю изжарить меньшой дочерѣ“.

Вотъ на другой день по утру растопѣлась печка. Меньшата дочь вышла и говоритъ: „Выходи, Иванъ-дуракъ изъ голбца-та!“—Вотъ Иванъ-дуракъ вышолъ,—она и говоритъ: „Садись, Иванъ-дуракъ, на лопату-ту!“—Иванъ-дуракъ сѣлъ,